

Балтийский государственный технический университет

На правах рукописи
УДК 165.191 (043.3)

Торгашин Алексей Юрьевич

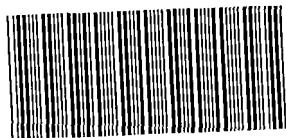
**Философия агностицизма
и проблема научной познаваемости мира**

Специальность 09.00.08 - философия науки и техники

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

30 МАЙ 2013

005060660

Санкт-Петербург
2013

Работа выполнена на кафедре философии ФГБОУ «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.Устинова»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Лысенко Елена Михайловна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Субетто Александр Иванович

доктор философских наук, профессор
Комаров Виктор Дмитриевич

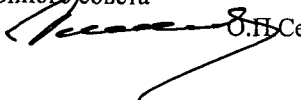
Ведущая организация: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г.Саратов).

Защита состоится «25» июня в 15 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.010.02 при Балтийском государственном техническом университете «Военмех» им. Д.Ф.Устинова по адресу: 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 13, ауд. 401.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.Устинова по адресу» 190005, Санкт-Петербург, 1-ая Красноармейская ул., д. 1.

Автореферат разослан «20» мая 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
канд. филос. наук, доцент

 О.П.Семенов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Проблема познаваемости мира из-за особенностей своей постановки позволяет под тем или иным предлогом игнорировать ее содержание. Во-первых, так происходит из множественности интерпретаций познания. Во-вторых, из-за методологической и тематической отдаленности общей проблемы познания от предмета позитивных наук и даже некоторых разделов и направлений философии. Тем не менее, познание нуждается в теоретических средствах защиты от стихийных и целенаправленных мировоззренческих интерпретаций, интерпретационных искажений, оформленных в виде общественных стереотипов, в контексте которых система категорий философии познания получает в лучшем случае бытовое, обыденное понимание, и в худшем случае интерпретацию, не совместимую с научным способом познания мира. В силу этого проблема познаваемости мира, как никакая другая тема нуждается в строгой и точной методике определения и интерпретации основных понятий. Особенно это актуально в наши дни, во-первых, из-за массового увлечения так называемыми «нетрадиционными науками», которое в последнее время приобретает опасную систематичность, подражательно копирующую внешние проявления подлинной научной деятельности. «Познавательный пессимизм», отрицающий какую-либо надежную структуру знания, завершается крайним иррационализмом, с неисчерпаемостью смыслов и значений, которые возникают также быстро и бесцельно, как копии логических единиц в пораженном «вирусом» компьютере. С другой стороны, «оптимизм неисчерпаемости» быстро приводит к ситуации полного отсутствия в той или иной мере общезначимых или даже сколько-нибудь информативных решений какой-либо из философских проблем. И, во-вторых, из-за получившего широкое распространение и влияние «постмодернистского» направления философии.

Поэтому проблема познаваемости имеет не только теоретическую, но и практическую актуальность. Перед философией во все времена стояла задача решения таких сложных проблем в части наиболее важных аспектов, современное понимание которых определяется несколькими концепциями, имеющими ограниченную структуру и содержание. Именно такими концепциями являются агностические направления философии, утверждающие тезис о принципиальной непознаваемости мира, с тем или иным набором исключений, ограничивающих применимость этого тезиса. Агностицизм представляет из себя удобную платформу, позволяющую с помощью решения локальной задачи оценить некоторые общие свойства познания, такие, как осмысленность представлений о «границах познания», тезис о философии, как об устаревшем и не нужном в современном обществе способе познания мира, участие философии в создании общей картины мира, возможность и

полезность демаркации философии и науки, соотношение интуитивного и формализованного знания, необходимость рационального по своему типу миропонимания и его роли в жизнеобеспечении, определение статуса научной познаваемости мира. Список далеко не полон. Все эти вопросы получают совершенно иное решение или новые перспективы решения при том или ином ответе на вопрос о принципиальной познаваемости мира. Проблема интерпретации и критики агностицизма и его отношения к науке, с эпистемологической точки зрения, представляет из себя локальную задачу, но приводит к кардинальному изменению общего видения проблемы познаваемости и познания в целом. Тем самым проблема агностицизма напоминает локальные постановки математических задач, от решения которых зависит будущий «ландшафт» математики. Поэтому, кроме обозначенной общественной и практической актуальности, проблема агностицизма в высшей мере актуальна с теоретической познавательной точки зрения. Она открывает горизонты для новых исследований.

Уровень изученности проблемы. Изучение литературных источников выявило, что, несмотря на значительный интерес к вопросу познаваемости мира в советское время, проблема агностицизма до сих пор является недостаточно исследованной в контексте новых социокультурных реалий. Во-первых, ее изучение происходило преимущественно в историко-философском и социально-философском аспектах. Такие исследования необходимы, однако они оставляют на периферии своего содержания эпистемологический аспект проблемы, и даже с точки зрения методологической обеспечения, не приспособлены для ее решения вне указанных аспектов. Во-вторых, в советской традиции существовало мнение о неопровержимости агностицизма умозрительными аргументами. В-третьих, граница 70-х-80-х годов XX столетия привела к значительному изменению парадигмальных условий, - появлению новых разновидностей агностических направлений философии, изменению понимания науки, возникновению и распространению мнения о философии, как об устаревшей и не способной к познанию культурной традиции. Перечисленные тенденции усилились в 90-е годы в связи с распадом СССР и общей критикой идеи рационального прогресса. В это время, которое требовало повышенного внимания к агностической критике, работ посвященных этой теме было опубликовано на удивление мало (П.В.Алексеев, Н.Ф.Бучило, Н.И.Мартишина, Е.С.Сарматин, А.К.Сухотин, В.С.Туманян, С.А.Чернов). Крупные работы, изданные в нашей стране (Э.Тьерно Гальван, Р.А.Уилсон), представляют агностическую позицию, как и многие зарубежные публикации. Таким образом, исследование проблемы агностицизма на текущий момент

требует обращения к принципиально новому никем не рассмотренному материалу.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования является проблема научной и, в частности, философской познаваемости в целом, а непосредственным предметом исследования - агностицизм, как идея радикальной концепции отрицания познаваемости мира, воплощающаяся в различных учениях, методологических установках и повседневных предрассудках, и его отношение к научному познанию.

Цель и задачи работы. Целями диссертации являются систематическая деструкция понятия агностицизма, то есть строгое обоснование отсутствия осмысленной интерпретации данного термина, и обоснование возможности научного и философского познания.

Указанные цели достигаются перечисленной ниже последовательностью решаемых задач, постановка которых следует из содержания материала и методологии его рассмотрения.

- предельно уточнить термин «агностицизм» в аспектах значения, смысла и использования;

- обосновать непригодность классических и современных («постклассических») философских (мировоззренческих) систем быть «теоретическим фундаментом» агностицизма;

- осуществить обоснование невозможности осмысленной интерпретации термина «агностицизм»;

- построить логическое опровержение основных агностических аргументов, таких как аргумент «энергии чувств» И.Мюллера, непознаваемость «вещей самих по себе», аргумент бесконечности универсума, тезис о «невмещаемости» знания в пропозиции.

- построить контрпример тезиса о невозможности решения философской проблемы средствами философии, то есть на примере разрешимых в рамках философии философскими средствами задач опровергнуть основное положение трансцендентальной диалектики Иммануила Канта о многократной пустой разрешимости проблем метафизики.

Методология диссертационного исследования. Методологической основой диссертации является метод диалектического материализма, а именно изучение рассматриваемой проблемы как взаимосвязанного и причинно детерминированного комплекса явлений, имеющих материальную сущность, выявление системообразующих и инвариантных свойств и отношений этого комплекса в диалектическом понимании его различных сторон и модальных статусов. В связи с тем, что изучаемый предмет предполагает не только исследование объективного мира, но его рефлексию в восприятии познающего субъекта, ленинская

теория материи и ее отражения в сознании имеет как содержательное, так и методологическое значение. В работе используется с логической точки зрения расширенный метод диалектического материализма, имеющий наряду с важнейшими принципами объективности, всеобщей связи явлений, каузальной замкнутости, единства исторического и логического, системности, методологической доказательности и научной обоснованности, диалектического учета всех сторон явления, также принципы альтернативности и доступности исследования, которые возникли как методологические принципы, позволяющие со строгой научной точностью исследовать иррационалистские и постклассические концепции познания.

Исследование опирается на результаты и данные Абрамова М.А., Алексеева П.В., Барбашиной Э.В., Бергсона А., Беркли Дж., Блонского П.П., Быховского В.В., Бежанишвили М.Н., Бунге М., Васильева В.В., Витгенштейна Л., Войшвилло Е.К., Гегеля Г.В.Ф., Гельмгольца, Г., Гобозова И.А., Гумницкого Г.Н. Гуссерля Э., Девяткина С.В., Делеза Ж., Деннета Д., Деррида Ж., Джохадзе И.Д., Докинза Р., Дюбуа-Реймон Э.Г., Ильенкова Э.В., Калининкова Л.А., Канта И., Каринского М.И., Карнапа Р., Карпенко А.С., Когена Г., Комарова В.Д., Куайна, У.В.О., Куна Т., Лакатоса И., Левина Г.Д., Левинаса Э., Ленина В.И., Лобастова Г.В., Ломара Д., Лысенко Е.М., Макеевой Л.Б., Маркса К, Мартишиной Н.И., Мерло-Понти М., Мозелова А.П., Поппера К.Р., Пригожина И., Пуанкаре А., Рассела Б., Рорти Р., Сантаяны Дж., Сарматина Е.С., Сачкова Ю.В., Семенова О.П., Серля Дж., Субетто А.И., Сухотина А.К., Тренделенбурга А., Тьерно Гальван Э., Чернова С.А., Шопенгауэра А., Энгельса Ф., Юлиной Н.С., Юма Д., Юрова С.В. и др.

Научная новизна работы. Новизну исследования, во-первых, составляет принципиально новый подход к проблеме агностицизма, а именно работа претендует не на аспектно локализованную критику, а на систематическую деструкцию самого термина «агностицизм». Во-вторых, агностицизм получает логическое опровержение из собственных конструктивных тезисов, определяющих его содержание. В-третьих, в работе впервые систематически исследуется агностицизм постклассических философских концепций. В-четвертых, обосновывается положение о том, что философия Джорджа Беркли, определившая развитие агностических тенденций юмизма и кантианства, не только не приспособлена для этого, но из нее жестко следует конструктивная невозможность любого агностицизма. В-пятых, в работе используется метод альтернативных инексируемых интерпретаций Е.М.Лысенко, как версия диалектического осмысления научной познаваемости мира, возникшее как его логическое расширение в новых парадигмальных условиях.

Положения, выносимые на защиту:

1) Агностицизм не имеет теоретического научного основания, то есть традиционные (Беркли, Юм, Кант) и постклассические (Деррида, Рорти) философские учения не пригодны для этих целей.

2) Агностицизм не только содержит противоречивые системообразующие элементы, он не имеет осмысленной формулировки, создавая иллюзию собственного содержания, благодаря некритическому отношению его последователей и общественной аудитории, к высказываемым им тезисам.

3) Позитивное содержание, в совокупности часто приписываемое исключительно агностицизму, а именно допущение альтернативных мнений, требование научной подтвержденности, непредвзятость (нейтральность) оценок, понимание ограниченности исторически преходящих средств познания присуще любому научному подходу и составляет проблемную позицию познания.

4) Для логических аргументов агностицизма (непознаваемость «вещей самих по себе», аргументы от бесконечности универсума, «невмещаемости» знания в пропозиции, тезис об «энергии чувств» И.Мюллера, аргумент от логических неразрешимости, парадоксов и бессмыслицы) есть логическое опровержение.

5) Принцип Беркли «Существовать значит восприниматься» (ЕеР) является диалектическим антитезисом ленинского тезиса о существовании объективной реальности, диалектический синтез которых есть принцип всеобщей связи явлений.

6) Принципиальная непознаваемость предмета равносильна его несуществованию, то есть выпадению из диалектических связей мира.

7) Категория познания содержательно предполагает всеобщую связь явлений, поэтому «невозможность познания абсолютно трансцендентного» не является проблемой познаваемости.

Теоретическая значимость работы. Исследование вносит новый вклад не только в философию науки и теорию познания, но уточняет и делает более стабильными значение важнейших категорий философии – таких, как познание, познаваемость, философия. Классическое понимание философии выводится из «зоны огня» недобросовестной критики постклассических и псевдонаучных мнений. Методология и содержательная часть исследования может быть развита в других исследованиях по смежным дисциплинам – таким, как онтология и теория познания, история философии, социальная философия, а также в других общественных науках.

Практическая значимость работы. Распространение агностицизма и эпистемологического нигилизма во многом является следствием неразрешенности теоретических проблем познания, преимуществен-

ной привязкой способа их решения к исторической и социальной проблематике. Поэтому опровержение агностицизма дает теоретический фундамент для радикальной критики псевдонаучных представлений не только в научных трудах, но и в общественной аудитории, которая пусть в популярной редакции и с опозданием прислушивается к результатам фундаментальных научных исследований. С другой стороны, опровержение радикального тезиса о непознаваемости мира дает дополнительный ориентир и стимул для всех наук.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Основные положения, выводы автора по общим и частным вопросам, а также рекомендации, содержащиеся в диссертации, докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры философии и методологии науки СГУ (2010), кафедры психологии, педагогики и акмеологии Смольного института РАО, на международных научных симпозиумах и конференциях 2004-2013 гг.: Четвертом Международном социальном конгрессе «Социальные процессы и социальные отношения в современной России» (Москва, 2004); «Ноосферное образование в Евразийском пространстве» (Санкт-Петербург, 2009, 2010, 2011, 2012), «Ноосферном Северном Форуме» (Санкт-Петербург, 2011), III Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: пути взаимодействия» (Москва, 2008), всероссийских конференциях и конгрессах: «Стратегии и идеалы современного общественного развития» (Саратов, 2007), «Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития» (Саратов, 2006); «Стратегии современного развития и управления общественными процессами» (Саратов, 2007); Дни Петербургской философии- 2008, 2010, 2011, 2012: «Человек познающий, человек созидатель, человек верующий» (СПб., 20-22 ноября 2008); «Будущее России: Стратегии философского осмысления» (СПб., 18 – 20 ноября 2010 г.), «Ценностные миры современного человечества» (СПб., 17 - 19 ноября 2011 г.); «Философия и образование в современном мире» (СПб., 15 - 17 ноября 2012 г.), Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Диалог культур в глобальном обществе риска» (СПб., 12 февраля 2013 г.) а также на российских региональных и межвузовских конференциях и семинарах, симпозиумах: «Современное общество: территория постмодерна» (Саратов, 2005).

Структура и основное содержание диссертации

Исследование состоит из вводной части, двух глав, подразделяющихся на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

Во вводной части диссертации обосновывается ее актуальность, анализируется степень изученности и характер проблемы, формулируются цели и задачи исследования, излагаются его методология и положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации «Теоретические основания агностицизма» дается содержание общей теории агностических учений и подвергаются критике его концептуальные основания.

В §1 «**Определение, интерпретации и разновидности агностицизма**» осуществляется подход к определению агностицизма, которое характеризуется как достаточно непростое, поскольку отрицание познаваемости не может быть абсолютной и буквальной даже у тех, кто называет себя агностиками. Поэтому самое важное различие в понимании агностицизма состоит в интерпретации последнего как абсолютного и радикального отрицания возможности познания (абсолютный агностицизм) и отрицания возможности такового в каком либо аспекте (частичный или аспектный агностицизм). Радикальный агностицизм в виде рациональной позиции не встречается, хотя бы из-за бытовой потребности в познании и из-за наличия представлений об устройстве мира даже у агностиков, однако как термин абсолютный агностицизм незаменим и используется, как идеальный смысловой конструкт, наподобие «абсолютно черного тела». Абсолютному агностицизму противопоставляется не менее идеальная позиция некритического познания человеком, воспринимающим информацию, но совершенно не задающимся вопросом об ее достоверности. Между двумя этими крайностями есть спектр степеней перехода, и позиция реального агностицизма оказывается на этой шкале близко расположенной к абсолютному агностицизму. Демаркационным критерием различения агностицизма, с одной стороны, и скептицизма и софистики, с другой, является наличие в составе оцениваемой системы представлений о мире более или менее радикального тезиса о непознаваемости мира. Категория познаваемости мира оценивается, как не менее сложная, предполагающая вопрос о таком знании, при котором мир мог бы быть признан познаваемым. В соответствии с этим частичный или аспектный характер познаваемости, возможности познания мира наукой и научной философией, не является достаточным основанием оценки мира как непознаваемого.

Агностицизм требует важного разделения по способу технической организации на топический и модальный агностицизм. Если первый ссылается на непознаваемую область за «границами познания», из-за которой мир не может быть признан познаваемым, к этой точке зрения близки Г.Спенсер, Б.Рассел, то модальный агностицизм не выделяет такой области, но воспринимает знание в модальности знания «только феноменов» или «знания в редакции наших чувств». Примером такого агностицизма могут служить представления И.Канта и И.Мюллера соответственно.

В другом отношении агностицизм делится на рациональный и иррациональный, обосновывающий свою позицию рациональными аргу-

ментами или нет. В четвертом классифицирующем разрезе агностицизм следует разделить на «технический» и интерпретационный. Первый основывается на представлении об «устройстве» мира или органов чувств (Кант, И.Мюллер и др.), второй не утверждает принципиальную изолированность мира от восприятия, но иногда достаточно радикально отрицает познаваемость по причине невозможности его однозначной интерпретации (Сантаяна, Деррида). В пятом разрезе агностицизм определяется как теория познания, для которой характерен тезис «границы» или «границ познания».

Далее отмечается широкое распространение агностицизма среди ученых, в том числе среди тех, которые личными усилиями добились получения знания в своих науках. И в противовес научной позиции на примере Р.А.Уилсона демонстрируется несостоятельность, к сожалению, очень распространенной обыденной (псевдонаучной и псевдофилософской) версии агностицизма, не способной определить даже свое отличие от позиции познания, и приводящей к легко эксплицируемым абсурдным следствиям, однако нацеленной на критику науки, доходящей до отрицания.

Внимание читателя обращается на то, что в рамках зарубежной традиции агностицизм в гораздо большей мере определен оппозицией агностицизм/атеизм, чем нетематизированным вопросом о познаваемости, прослеживается связь между обеими интерпретациями.

В §2 «Философия Джорджа Беркли как основание агностицизма» обосновывается необходимость субъективно-идеалистических и агностических следствий из центрального аргумента Джорджа Беркли «Существовать - значит восприниматься». Это положение имеет агностические следствия исключительно при отождествлении восприятия с изолированным от интеллектуальных способностей ощущением. Делается вывод о непригодности этой философии быть теоретическим основанием агностицизма из-за несостоятельности ее догматических, отрицающих существование материи интерпретаций.

В §3 «Критическая философия Канта и агностицизм» рассматриваются две взаимоисключающие интерпретации: 1. Все предметные связи организуются исключительно рассудком и нет ничего, чтобы не попало в восприятие ранее не связанным рассудком; 2. Часть предметных связей имеет дорассудочное происхождение. В соответствии с методом альтернативных индексируемых интерпретаций ни одна из этих версий не рассматривается как более аутентичная, но из них обеих выводится инвариантный вывод о конструктивной невозможности в рамках кантианства вывода о непознаваемости мира, в частности, «вещей самих по себе». В ходе рассуждения учитывается вынужденная синер-

гия «априорных форм созерцания» и рассудка, а также ощущений и априорного созерцания.

В части «Трансцендентальной эстетики» обосновывается тезис о конструктивной несостоятельности геометрии, как науки, порождаемой способностью созерцания. В противовес такому пониманию геометрии обосновывается тезис о том, что аподиктичность положений последней возникает в виде смысловых инвариантов. Этот вывод важен тем, что он разрушает конструкт чистого, изолированного, с одной стороны, от интеллектуальных способностей априорного созерцания, и, с другой стороны, от восприятия эмпирического мира.

В части «Трансцендентальной аналитики» обосновывается тезис о том, что рассудок, как единственный «редактор» или «демиург» связей, не имеет смысла, так как, будучи изолированным от объективных связей мира, он реагирует на них либо вслепую и, если верно, то в порядке ни на чем не основанной гармонии, либо сам создает мир в том числе эмпирический. Объективные связи эмпирического мира либо оказываются не вмещаемыми в сигнатуру рассудка, либо рассудок знает их полностью, до «последней излучины смысла» и эмоциональных нюансов. В обоих интерпретациях рассудок не состоятелен, так как в первом случае мир познается помимо рассудка, и система эмпирических связей строится по неведомым и неучтенным «Критикой чистого разума» законам. Или во втором случае трансцендентальная аналитика становится всеведущей метафизикой, что противоречит главным положениям этой книги. Продуктивное и репродуктивное воображение на чисто структурном уровне не способно служить системой или средой связи рассудка и чувственности, поскольку само воображение имеет в себе рассудочные и чувственные фракции, которые, в свою очередь, нуждаются в аналогичной связи, новая связь нуждается в последующей и т.д., таким образом, создается эффект зеркального коридора. Этот тезис усиливается еще и тем, что воображение оказывается богаче и сложнее воображаемого, и не только не облегчает связь чувственного и рассудочного, но наделяет эту задачу дополнительной и ничем не ограниченной сложностью. Выход из ситуации один – допущение познаваемости эмпирического мира, в том числе с помощью мышления, которое может воспринимать эти связи как объективные и развивать знание об эмпирическом мире, не всегда обращаясь непосредственно к опыту, ибо обращение к опыту не означает физический контакт с материальным предметом. Для пояснения приводится пример Архимеда, который решил задачу составляющей золота в короне не во время сеанса «непосредственной работы с ней». С другой стороны, Мартышка из басни И.А.Крылова «Мартышка и очки» не могла решить задачу их использования, испробовав самые различные «опыты» с очками. Таким образом,

кантовская версия непознаваемости мира признается не только не создающей фундамент общей теории непознаваемости, но и элементарно не способной быть непротиворечивым учением. Из построений Канта скорее вытекает возможность метафизики, как сложной рефлексии интегрального универсума (априорного и эмпирического), чем невозможность, поскольку такая невозможность не была им хотя бы непротиворечиво описана, не говоря уже об ее обосновании.

В §4 «Постклассические агностические концепции» рассматриваются учения Жака Деррида и Ричарда Рорти. Отмечается рутинное происхождение основных концептов Деррида, - таких, как след и различие, которые были известны как стихия невнятных промежуточных данных, материал для синтетических основоположений Канта, или перетекание одного понятия в другое в диалектике Гегеля. Теория знаков Деррида, отрицающая репрезентацию, очень экономно опровергается его же средствами. Графические знаки тоже нуждаются в репрезентации, значит метод Деррида, деконструкция, разрушает не только семантику, прагматику, но и синтаксис любой записи, что приводит к абсурду, так как не соответствует возможности элементарного отличия букв алфавита. Но, самое главное, Деррида демонстрирует несостоятельность какой-либо концепции исключительно описанием того, как она не работает, что равносильно такому тезису «Поездка на велосипеде невозможна, так как существует описание неудачной поездки на велосипеде», который опровергает всего одна демонстрация удачной поездки. Находясь в рамках этой удивительной парадигмы, Деррида последовательно показывает, «как не работают знаки», «как не передается традиция» вне общей постановки задачи возможности того и другого, то есть дерридаизм как явление возник из-за авторской ошибки квантификации. Деррида элементарно перепутал кванторы общности и существования. Удачную работу знаков Деррида игнорирует, в то время, как поднятая им к рассмотрению проблематика обязывала его дать точный критерий, где и когда работа знаков «ломается» и исследовать это в рамках формальной методологии, потому что его тезисы, несмотря на «художественное» воплощение по содержанию формальны и являются очень сильными постановками математизированной части логики.

Ричард Рорти утверждал, что философия не нужна, поскольку ее может заменить познание частных наук в собственных предметных областях. Однако он не учел обстоятельства, что определение того, «где находится философия», вообще говоря, представляет из себя неразрешимую задачу. Допустим есть один верный и содержательный тезис. Это вполне допустимо, потому что истинные содержательные тезисы бывают. Он может оказаться философским. Есть и другой тезис. Он тоже может оказаться философским. Но почему они не могут оказаться

в одном тексте или проливать свет на один и тот же предмет, тем самым создавая философскую теорию? Рорти это запрещает, и тем самым без малейшего основания декларирует очень сильную теорему синтаксиса, которая вдобавок точно устанавливает, что такое философия. В этом смысле Рорти является автором столь же фантастического учения, что и Деррида, фантастического в буквальном смысле этого слова.

Из дерридаизма неминуемо следовала непознаваемость мира, поскольку его познание невозможно без знаковой передачи информации. Из рортианства следовал специфический агностицизм, отрицающий философское познание. Однако содержание их учений строится на грубых ошибках и частных недоразумениях, поэтому основывать на них что бы то ни было в том числе агностицизм логически самоубийственно.

Во второй главе диссертации «Решение проблемы агностицизма» излагается общее систематическое опровержение возможности существования агностицизма как учения.

В §5 «Прагматическая бесполезность агностицизма» обосновывается несостоятельность агностицизма в аспекте его «методологической пользы». Обычно агностицизму приписывается «открытость для всех возможных альтернатив», однако эта оценка не имеет ни малейшего отношения к реальным проблемам науки и жизнеобеспечения, потому что описывает не методологическую установку, а частное хорошее настроение. В качестве примера приводится финансовый аудитор, который убежден, что все его клиенты ведут свои дела хорошо, но это настроение имеет отношение к их делам ровно до того момента, когда аудитор сталкивается с недобросовестно составленной документацией. Поэтому альтернативность мышления ученого или управленца определяется не его пожеланием или приверженностью к учению, а реальными данными наук и положением дел на производстве соответственно. Содержательное научное мышление вынуждено быть относительно безальтернативным, догматическим в том смысле, чтобы придерживаться определенной точки зрения, примерно по той же самой причине, по которой водитель автобуса на маршруте №10 в свой рабочий день ведет автобус именно по этому маршруту, а скажем, не по маршруту №11 или №12. Если бы он повез пассажиров по маршруту №12, это не привело бы к меньшей «догматичности», а лишь к «догматичности» на другую тему.

Число альтернатив не составляет преимущество агностической позиции, потому что рассмотрением альтернатив, которые необходимо рассмотреть для решения задачи занимаются все от ученого до карточного шулера. Однако рассмотрение альтернатив, являющееся самоцелью, не приносит дополнительной успешности научной работы, по-

скольку, если ученый будет заставлять себя вместо рассмотрения нужных 10-25 альтернатив, рассматривать 1000, 2000, 1 000 000 альтернатив, решение научных проблем окажется не менее случайным, чем при рассмотрении первой попавшейся гипотезы.

С другой стороны, даже в рамках определенного, то есть «догматического» мышления, отброшенные альтернативы не исчезают, они сохраняются под знаком отвергнутых гипотез, которые при определенном стечении обстоятельств могут стать актуальными. Таким образом, преимущества агностицизма полностью исчерпываются обычной позицией познания и последний не имеет ни малейшего нового содержания, организующего преимущественную методологию, то есть в прагматическом аспекте оригинальная позиция агностицизма не поддается осмысленной формулировке.

В §6 «Семантическая деструкция агностицизма» отмечается невозможность отрицать обыденное знание. Поэтому агностицизм вынужден отрицать не просто познание, а выделенную его разновидность. Неминуемо возникает вопрос, что нужно не знать, чтобы мир был непознаваемым, по этой причине агностицизм оказался тематизирован религией, которая предполагает структуру особого выделенного знания. Отрицая религию, агностики ничего не знают о предмете такого знания, но утверждают его уникальную непознаваемость. И наоборот позитивное познание (научное, обыденное, философское) оказывается единственным примером познания, которое вообще может быть. Возникает неминуемый вопрос, почему операция («настоящее познание»), которая никем не проводилась и неизвестно, как она вообще осуществляется, отменяет или объявляет ненастоящей одноименную с ней операцию, которая производится каждую секунду? Из-за указанных свойств агностицизм вынужден использовать стратегию *особых вопросов*. Мы не знаем точное значение температуры в указанной точке Марса 5 января 1001 года до н.э., но это не делает мир непознаваемым. Если бы непознаваемость составляла лишь такое незнание, то мир можно было бы объявить логически познаваемым. Для сохранения тезиса непознаваемости агностицизм нуждается в вопросах, на которые ни при каких условиях нельзя найти ответ. Но если такие вопросы есть, почему они не обнаружены? В философии составлялись перечни неразрешенных проблем, например, Э.Г.Дюбуа-Реймона, однако аналогичные списки в математике (проблемы Д.Гильберта) не делают ни математику, ни мир вместе с ней непознаваемыми. Кроме того, отсутствие единого метода решения алгебраических уравнений степени выше четвертой можно интерпретировать и как незнание, и как знание нового структурного свойства чисел. Очень часто агностики ссылаются на теоремы Геделя, однако они никак не оценивают возможность существования настолько

мощного метода или совокупности методов, которые позволяли бы решить все сформулированные на текущий момент (фиксированное число) метафизические или эмпирические проблемы.

Агностицизм не может поручиться в невозможности появления нового конкретного знания в той или иной предметной области, поэтому вынужден гипостазировать ни при каких обстоятельствах непознаваемую предметность, некое анонимное «первоначало». Оно обязано быть вездесущим, чтобы обесценивать знание на любом исследовательском рабочем месте. В диссертации мы назвали этот гипостазируемый феномен «природным оператором», модифицирующим знание в идеологически пригодный для агностицизма вид. Однако наличие такого «природного оператора», во-первых, абсолютно бездоказательно. Во-вторых, крайне рискованно, поскольку нет ни малейшей гарантии, что подобная модификация наоборот не приведет обыденное или какое-либо другое знание к познаваемости, уничтожающей агностицизм. Кроме этого, агностицизм не объясняет, почему эти «свойства мира» достаточны в такой своей функции. Получается, что он, во-первых, утверждает наличие некоторой сущности, знание о которой он одновременно отрицает. И, которая, во-вторых, никак не связана с другими способами и темами познания, но почему-то отрицает их. Поэтому агностицизм является дважды несостоятельной точкой зрения: во-первых, объявляя себя нейтральным ничего не утверждающим учением, он создает абсолютно ничем не обоснованную онтологию. И, во-вторых, не обладает смыслом, делающим эту онтологию хоть сколько-нибудь членораздельной. Короче говоря, агностицизм не является ... агностическим учением. Более того, не имеет возможности быть определенной, хотя и противоречивой точкой зрения, поскольку вообще не поддается осмысленной формулировке.

Агностицизм, определенный тезисом о «границах познания», не менее не состоятелен, поскольку наличие таких «границ» в одном месте ничего не говорит об отсутствии их в другом. В диссертации мы используем пример привокзальных таксистов, которых нужно опросить всех до одного, чтобы точно узнать, что никто из них не повезет пассажира в такое-то время по указанному маршруту. Этот пример изоморфен вопросу о «границах» познания, который для каждой «границы» и участка познания порождает свой региональный «агностицизм». Опросить таксистов можно, но ответить на вопрос о результативности всех стратегий познания во всех возможных модальностях заведомо до получения результата и даже до примерного знания о предмете и характере этого результата представляется задачей более сложной, чем тотальное познание мира. Таким образом, агностицизм растворяется в собственной формулировке, как кусочек сахара в горячем чае. Средняя

«обычная» философия оказывается намного лучше обоснованной, чем это учение, присвоившее себе статус арбитра. Под критику «границ познания» без остатка подпадает и точка зрения Бертрана Рассела.

Вопреки мнению агностиков, действительно нейтральной позицией является проблемная позиция познания, которая учитывает историческую ограниченность познавательных средств, но не утверждает никакой непознаваемости или очерчивающих ее «границ».

В §7 «Структурная избыточность агностицизма» приводится не дополняющее, но альтернативное решение рассматриваемой проблемы. В данном параграфе используются дополнительные формальные средства выражения. Если А – это пропозиция, то »А« обозначается содержание этой пропозиции (значение, смысл, материальный референт), – все то, на что она указывает. Интуитивно этот знак восходит к «раскавычиванию», к вопросу о том, что по существу обозначает формула.

Согласно модифицированному центральному аргументу Беркли, любая данность каким-либо образом проявляется в универсуме. В противовес сенсуалистской интерпретации берклианства под данностью понимается все: формула, впечатление, вещь, кратковременное ощущение, феномен, эксплицируемый лишь средствами теории, не имеющей интуитивной экспликации, перечисленное в совокупности мы называем восприятием в широком смысле, содержащем в себе интеллектуальную и техногенную составляющие. Если феномен Б представляет из себя сигнал, не поддающийся прямой объективации, и существует объективируемое в части формулировки и содержания выражение А, имеющее смысл »А«, то если изменение в Б приводит к объективируемому изменению в »А«, то Б также считается имеющим смысл и непрямую объективацию посредством протокола изменения в »А«. В параграфе доказываются две теоремы.

Теорема I: Если все, что обозначается или может быть обозначено некоторой языковой конструкцией (формулой) состоит в том, что некоторая данность никак не способна быть воспринятой, то она имеет исчерпывающее выражение, его содержание (значение и смысл) сводится исключительно к тому, что »О некоторых данностях известно лишь то, что они есть ни при каких обстоятельствах не воспринимаемые данности«.

Доказательство:

Для краткости обозначим эту формулу D по начальной букве немецкого слова «Dinge» (вещь). Если D («О некоторых данностях известно лишь то, что они есть ни при каких обстоятельствах не воспринимаемые данности»), формула, выражающая содержание »D«, имеет иное (не сводящееся к формуле D) содержание »D'«, то оно оказывается выразимым и познаваемым (имеющим воспринимаемое природное

выражение), и, значит, D элементарно не удовлетворяет собственному определению. Поэтому «невоспринимаемое ни при каких обстоятельствах» является лишенной значения и смысла языковой конструкцией. В противном случае его содержанием становится D или $\gg D \ll$. Но D и $\gg D \ll$ не содержат в себе ничего непознаваемого.

Примечание: под не воспринимаемым ни при каких обстоятельствах, имеется в виду принципиально не воспринимаемое, но не то, что не воспринимается лишь в силу эмпирических обстоятельств. Теорема не поддается опровержению. Действительно, любой опровергающий ее тезис $P(x)$ окажется не сводящимся ни к D , ни к $\gg D \ll$, а значит будет обязан своей записью указать на $\gg P(x) \ll \Rightarrow D' \ll$, поскольку $\gg D' \ll$ - это любая альтернатива $\gg D \ll$.

Теорема 1 преодолевает и более сильный агностический тезис о существовании в мире вещей, принципиально не доступных нашей перцепции, в том числе усиленной теорией и техническими средствами. В этом случае любые вопросы о мире оказываются герметично изолированными от таких вещей, последние никак не влияют ни на содержание вопросов, ни на содержание предполагаемых ими ответов, и по своему определению не способны организовать ни одной познавательной проблемы о мире, потому что тривиально в него не входят и не определяют его свойств.

Вторая теорема, восходящая к наследию Джорджа Беркли, строится на основе математической теории отображений и показывает, что мир «принципиально не познаваемых вещей» познается по их актуальным проявлениям. Эти теоремы полностью не зависимы друг от друга, то есть опровержение основного тезиса агностицизма имеет два формализованных альтернативных решения. В обоих решениях используется теория В.И.Ленина о концептуальном выражении объективной реальности. Сами по себе результаты Беркли не имели полученного нами теоретического значения, которое они получили, будучи вовлеченными, в диалектико-материалистическую методологию. С одной стороны, центральный аргумент Беркли о восприятии требует проявленности, регистрируемости сущего. С другой стороны, ленинское определение материи требует его объективного существования. Как тезис и антитезис оба положения снимаются в диалектическом принципе всеобщей связи. Нужно особо отметить, что $\gg D' \ll$, согласно ленинской теории, не обязательно является актуально доступным воспринимаемым. Ему достаточно, что-то объективно значить. Однако $\gg D' \ll$ - потенциально воспринимаемо, иначе все его содержание выродилось бы в D и $\gg D \ll$, которые не содержат в себе ничего не познаваемого. Ленин был прав, отождествляя научную познаваемость природы с познаваемостью «вещей самих по себе». Физический смысл обеих теорем (в буквальном значе-

нии физического смысла) в том, что любое материальное образование вовлечено в динамические связи, отображаемые семантическими связями, отсутствие которых свидетельствует о нереальности такого образования. Например, единорог или кентавр не имеют физиологии и генома. Далее мы обосновываем методологическую и логическую избыточность антиреализма аналитической философии, поскольку диалектико-материалистическая традиция содержит все преимущества, который преследовал, антиреалистический подход, но избавлен от его недостатков.

В завершении параграфа опровергается технический агностицизм И.Мюллера на основе тезиса «энергии чувств», который, признается несостоятельным, во-первых, потому, что материя знака выражаемого не всегда коррелирует с выражаемым. Например, процессы в электронно-лучевой трубке телевизора не имеют никакого отношения к изображаемому на экране. Из тезиса Мюллера должно следовать, что телевизор не показывает ничего, кроме оптических эффектов. Во-вторых, преобразование зрительным аппаратом любых сигналов, в т.ч. механических, в зрительные ни о чем не говорит, так как плохо модулированный зрительный сигнал (резкая и сильная вспышка), плохо артикулированный слуховой, искажают информацию не в меньшей мере, чем механический сигнал для глаза, но это не свидетельствует о том, что в рабочей ситуации зрение и слух не доставляют объективную информацию о мире. И наконец, в-третьих, сам термин «энергия чувств» не имеет того смысла, который в него вкладывал автор. Это гибридный, порожденный эклектическим подходом термин, содержит в себе семантическую, физическую и физиологическую составляющие, которые никак не упорядочены. Критический посыл этого термина в том, что «чувства состоят из энергии», но почему его автор останавливается на «чувствах», а не идет дальше, ведь проводниками чувств являются ткани, и не заявляет об «энергии тканей» и, в конечном итоге, не договаривается о репрезентации гистологии и анатомии перцептивного аппарата в его перцепции, тем самым отождествляя мир с гистологией, которая в таком виде оказывается полностью доступной познанию и протоколируемой, что представляет из себя законченное, хотя и курьезное, опровержение тезиса «энергии чувств»? В общем виде аргумент «энергии чувств» опровергается результатами теорем настоящего параграфа.

В §8 «Совместимость детерминизма и онтологической свободы в контексте современного философского дискурса» на основе примеров апории Зенона об Ахилле и черепахе, исторической проблемы формы Земли и подробной реконструкции современного решения проблемы онтологической свободы (проблемы «свободы воли») делается вывод о возможности решения философских проблем философскими

методами. Результат параграфа служит контрпримером тезиса о многократной пустой разрешимости метафизических проблем Трансцендентальной диалектики Иммануила Канта. При этом строго доказывается безоговорочная совместимость неиллюзорной свободы с классическим детерминизмом, и смысловая невозможность онтологической несвободы на основании тезисов бессмысленности «свободы воли» и всеобщей детерминированности.

В **Заключении** подводятся основные итоги диссертационного исследования:

1) агностицизм не обладает теоретического фундаментом в традиционных (Беркли, Юм, Кант) и постклассических (Деррида, Рорти) философских учениях;

2) агностицизм не только является противоречащим себе учением, но не поддается осмысленной формулировке, существующие на текущий момент способы определения агностицизма лишь создают иллюзию осмысленного содержания;

3) преимущества, традиционно приписываемые агностической позиции (допущение альтернативных мнений, требование научной подтвержденности, непредвзятость (нейтральность) суждений, учет ограниченности исторически преходящих средств познания) являются неотъемлемыми отличительными особенностями научного способа освоения мира. В целом такая позиция скорее противоречит необоснованным выводам агностицизма, поэтому ее более уместно называть проблемной позицией познания;

4) умозрительные аргументы агностицизма (непознаваемость «вещей самих по себе», аргументы от бесконечности универсума, неразрешимости логики предикатов, «невмещаемости» знания в пропозиции, тезис об «энергии чувств» И.Мюллера, аргумент от логической неразрешимости, парадоксов и бессмыслицы) имеют логическое опровержение;

5) принцип Беркли «Существовать - значит восприниматься» (EeP) и ленинский тезис о существовании объективной реальности в диалектическом синтезе создают содержание принципа всеобщей связи явлений;

6) принципиальная непознаваемость предмета предполагает его выпадению из диалектических связей мира и равносильна его несуществованию;

7) категория познания по своему содержанию предполагает всеобщую связь явлений, поэтому «невозможность познания абсолютно трансцендентного» не составляет проблемы познаваемости.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

Отдельные издания

1. Торгашин, А.Ю. Иллюзии агностицизма. Приложения функциональной майевтики – СПб: Любавич, 2011 – 432 с. – 17.28 п.л.

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК МО и Н РФ

2. Лысенко Е.М., Торгашин А.Ю. Нужно ли философии быть «зеркалом»//Вестник орловского государственного университета, Серия: Новые гуманитарные исследования, 2012, №9 (29), - 1 п.л.

3. Семенов О.П., Торгашин А.Ю. Антиреализм: проблема избыточности в экспликации наследия Джорджа Беркли и Владимира Ленина// Вестник орловского государственного университета, Серия: Новые гуманитарные исследования, 2013, №2 (31) – 1 п.л.

4. Торгашин А.Ю. О невозможности онтологической несвободы// Философия и культура, 2012, №6, - 0.5 п.л.

5. Торгашин А.Ю. Теорема Беркли. Почему центральный аргумент Беркли можно назвать теоремой// Вестник орловского государственного университета, Серия: Новые гуманитарные исследования, 2012, №3(23) – 0.5 п.л.

Публикации в сборниках научных трудов, материалах научных конференций, иных изданий.

6. Лысенко Е.М., Торгашин А.Ю. Учение В.И. Вернадского как основа построения метода альтернативных индексированных интерпретаций преодоления деструктивизма //В.И.Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке : коллективная монография / Под науч. ред. А.И.Субетто и В.А.Шамахова. В 3-х томах. – СПб.: Астерион, 2013. т.1 – 574 с – 1 п.л.

7. Торгашин А.Ю. Деструкция "агностицизма" как следствие из теоремы Беркли// Ноосферное образование в евразийском пространстве / А.Ю. Торгашин, Б.Я. Советов, Г.П. Сикорская [и др.]. – СПб: Астерион, 2012. – С. 150-183. (2,1 п.л./31,8п.л.).

8. Торгашин А.Ю. Почему «Критика чистого разума» не может служить основанием агностицизма// Общество и человек, 2012, №1(3) – 1.5 п.л.

Компьютерный набор и верстка *А.Ю.Торгашин*

Подписано в печать 16.05.2013. Формат 60x84/16. Печать трафаретная. Бумага документная.

Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 78

Балтийский государственный технический университет

Типография БГТУ

190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., д. 1